

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Повесть о Тадж-аль-Мулуке (продолжение)

Сто двадцать девятая ночь

Повесть о Тадж-аль-Мулуке (продолжение)

Когда же настала сто двадцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дауаль-Макану: "И, услышав историю юноши, Тадж-аль-Мулук крайне удивился, и в его сердце вспыхнули огни, когда он услышал о прелести Ситт Дунья и узнал, что она вышивает газелей, и его охватила великая страсть и любовь.

"Клянусь Аллахом, – сказал он юноше, – с тобою случилось дело, подобного которому не случилось ни с кем, кроме тебя, но тебе дана жизнь, и ты должен ее прожить. Я хочу тебя спросить о чем-то". – "О чем?" – спросил Азиз. И Тадж-аль-Мулук молвил: "Расскажи мне, как ты увидел ту женщину, которая сделала эту газель". – "О владыка, – сказал Азиз, – я пришел к ней хитростью, и вот какою: когда я вступил с караваном в ее город, я уходил и гулял по садам – а там было много деревьев, и сторож этих садов был великий старик, далеко зашедший в годах. Я спросил его: "О старец, чей это сад?" И сторож сказал мне: "Он принадлежит царской дочери Ситт Дунья, и мы находимся под ее дворцом. Когда она хочет погулять, она открывает потайную дверь и гуляет в саду и нюхает запах цветов". – "Сделай милость, позволь мне посидеть в этом саду, пока она не придет и не пройдет мимо – быть может, мне посчастливится разок взглянуть на нее?" – попросил я. И старец молвил: "В этом нет беды". И когда он сказал мне это, я дал ему немножко денег и сказал: "Купи нам чего-нибудь поесть".

И он взял деньги, довольный, и, открыв ворота, вошел и ввел меня вместе с собою, и мы пошли и шли до тех пор, пока не пришли в приятное место, и старик сказал мне: "Посиди здесь, а я схожу и вернусь к тебе и принесу немного плодов".

И он оставил меня и ушел, и некоторое время его не было, а потом он вернулся с жареным ягненком, и мы ели, пока не насытились, а мое сердце желало увидеть эту девушку. И когда мы сидели так, дверь вдруг распахнулась, и старик сказал мне: "Вставай, спрячься". И я поднялся и спрятался, и вдруг черный евнух просунул голову в калитку и спросил: "Эй" старик, есть с тобою кто-нибудь?" – "Нет", – отвечал старик. "Запри ворота в сад", – сказал тогда евнух, и старец запер ворота сада, и вдруг Ситт Дунья появилась из потайной двери, и когда я увидел ее, я подумал, что луна взошла на горизонте и засияла. И я смотрел на нее некоторое время и почувствовал стремление к ней, подобное стремлению жаждущего к воде, а немного спустя она заперла дверь и ушла. И тогда я вышел из сада и направился домой, и я знал, что мне не достичь ее и что я не из ее мужчин, особенно раз я стал как женщина и у меня нет принадлежности мужчин. Она царская дочь, а я купец, – откуда же мне достичь такой, как она, или еще кого-нибудь?

И когда мои товарищи собрались, я тоже собрался и поехал с ними. А они направлялись в этот город, и когда мы достигли здешних мест и встретились с тобою, ты спросил меня и я рассказал тебе. Вот моя повесть и то, что со мной случилось, и конец".

И когда Тадж-аль-Мулук услышал эти речи, его ум и мысли охватила любовь к Ситт Дунья, и он не знал, что ему делать. Он поднялся и сел на коня и, взяв Азиза с собою, вернулся в город своего отца, и отвел Азизу дочь и отправил ему туда все, что нужно из еды, питья и одеяний и, покинув его, удалился в свой дворец, и слезы бежали по его щекам, так как слух заменяет лицезрение и встречу. И Тадж-аль-Мулук оставался в таком состоянии, пока его отец не вошел к нему, и он увидел, что царевич изменился в лице и стал худ телом и глаза его плачут. И царь понял, что его сын огорчен из-за чего-то, что постигло его, и сказал: "О дитя мое, расскажи мне, что с тобою и что такое случилось, что изменился цвет твоего лица и ты похудел телом". И царевич рассказал ему обо всем, что случилось и что он услышал из повести Азиза и повести о Ситт Дунья, и сказал, что он полюбил ее понаслышке, не видав ее глазами. И отец его молвил: "О дитя мое, она дочь царя, и страны его от нас далеко! Брось же это и войди во дворец твоей матери..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до ста тридцати, она сказала:

"Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан рассказывал Дау-аль-Макану: "И отец Тадж-аль-Мулука сказал ему: "О дитя мое, ее отец царь, и земли его от нас далеко! Брось же это и войди во дворец твоей матери – там пятьсот невольниц подобных лунам; какая из них тебе понравится, ту и бери. Или же возьмем и сосватаем за тебя какую-нибудь из царских дочерей, которая будет лучше ее". – "О батюшка, – отвечал Тадж-аль-Мулук, – не хочу другую, совсем! Эта вышла газель, которую я видел, и мне не обойтись без нее, а иначе я пойду блуждать по степям и пустыням и убью себя из-за нее". – "Дай срок, пока я пошлю к ее отцу и посватаю ее у него, – сказал ему отец. – Я исполню твое желание, как я сделал для себя с твоей матерью; быть может, Аллах приведет тебя к желаемому, а если ее отец не согласится, я потрясу его царство войском, конец которого будет у меня, а начало у него".

Потом он позвал юношу Азиза и спросил: "О дитя мое, ты знаешь дорогу?" – "Да", – отвечал Азиз. "Я хочу, чтобы ты поехал с моим везирем", сказал царь, и Азиз ответил: "Слушаю и повинуюсь, о царь времени!" Потом царь призвал своего везиря и сказал: "Придумай мне план для моего сына, и пусть он будет хорош. Отправляйся на Камфарные острова и сосватай дочь их царя за моего сына". И везирь отвечал: "Слушаю и повинуюсь!"

А Тадж-аль-Мулук вернулся в свое жилище, и его страсть еще увеличилась, и состояние его ухудшилось, и отсрочка показалась ему долгой, а когда над ним опустилась ночь, он стал плакать, стонать и жаловаться и произнес:

"Ночной уж спустился мрак, и слез велики войска,

И ярок огонь любви, горящий в душе моей.

Коль ночи вы спросите, они вам поведают,

Другим ли я занят был – не грустью тоскливою.

Ночами я звезд стада пасу от любви моей,

А слезы с ланит моих бегут, как градинок ряд.

Один ведь остался я, и нет никого со мной!

Подобен я любящим без близких и родичей".

А окончив свои стихи, он лежал некоторое время без чувств и очнулся только к утру. И пришел слуга его отца, и встал у его изголовья, позвал его к родителю.

И Тадж-аль-Мулук пошел с ним, и, увидав его, отец юноши нашел, что цвет его лица изменился, и принялся его уговаривать быть стойким и обещал свести его с царевной, а потом он снарядил Азиза и своего везиря и дал им подарки. И они ехали дни и ночи, пока не

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

приблизились к Камфарным островам. И тогда они остановились на берегу реки, и везирь послал от себя гонца к царю, чтобы сообщить ему об их прибытии. И гонец отправился, и прошло не более часу, как придворные царя и его эмиры выехали к ним навстречу на расстояние одного фарсаха: и, встретив их, ехали впереди их, пока не ввели их к царю. И прибывшие поднесли ему подарки и пробыли у него, как гости, три дня. А когда настал четвертый день, везирь вошел к царю и, встав перед ним, рассказал ему о деле, по которому он прибыл. Царь был в недоумении, какой дать ответ, так как его дочь не любила мужчин и не желала брака. Он посидел некоторое время, опустив голову к земле, а потом поднял голову и, призвав одного из евнухов, сказал ему: "Пойди к твоей госпоже Дунья и повтори ей то, что ты слышал, и Расскажи, зачем прибыл этот везирь". И евнух поднялся и пошел и ненадолго скрылся, а потом он вернулся к царю и сказал: "О царь времени, когда я пришел и рассказал Ситт Дунья, что слышал, она сильно рассердилась и, поднявшись на меня с палкой, хотела разбить мне голову, и я бегом убежал от нее. И она сказала мне: "Если мой отец заставит меня выйти замуж, я убью того, за кого я выйду". И тогда ее отец сказал везирию и Азизу: "Вы слышали и знаете – расскажите же это царю и передайте ему привет. Моя дочь не любит мужчин и не желает брака..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать первая мочь

Когда же настала сто тридцать первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман сказал везирию и Азизу: "Передайте царю при кет и расскажите ему, как вы слышали, что моя дочь не желает брака". И они ушли назад без всякого проку и ехали до тех пор, пока не прибыли к царю и не рассказали ему, что случилось.

И тогда царь велел военачальникам кликнуть клич войскам о выступлении на бой и на войну, но везирь сказал ему: "О царь, не делай этого – за тем царем не г вины. Когда его дочь узнала об этом, она прислала сказать: "Если мой отец заставит меня выйти замуж, я убью того, за кого выйду и убью себя после него". Отказ исходит только от нее".

И, услышав слова везирия, царь испугался за Тадж-альМулука и сказал: "Если я стану воевать с ее отцом и захвачу царевну, а она убьет себя, мне не будет от этого никакой пользы". – И потом царь уведомил своего сына, Тадж-аль-Мулука, и тот, узнав об этом, сказал своему отцу: "О батюшка, мне нет мочи терпеть без нее! Я пойду к ней и буду стараться с ней сблизиться, даже если я умру, я не стану делать ничего другого". "А как же ты пойдешь к ней?" – спросил его отец. "Я пойду в обличье купца", – ответил Тадж-аль-Мулук. И царь сказал: "Если это неизбежно, то возьми с собою везирия и Азиза". Потом царь вынул для него кое-что из своей казны и приготовил ему на сто тысяч динаров товара. И везирь с Азизом сговорились с царевичем, а когда наступила ночь, Тадж-аль-Мулук и Азиз отправились в дом Азиза и переночевали рту ночь там. А сердце Тадж-аль-Мулука было похищено, и не была ему приятна пища и сон – наоборот, на него налетели думы, и его потрясло томление по любимой. И он прибег к творцу, чтобы тот послал ему встречу с нею, и стал плакать, стонать и произнес:

"Посмотрим, удастся ли сойтись после дали

На страсть я вам жалуюсь, и вам говорю я:

"Тогда вы мне вспомнились, когда беззаботна ночь,

И отняли сон вы мой, а люди все спали".

А окончив свои стихи, он разразился сильным плачем, и Азиз заплакал вместе с ним, вспоминая дочь своею дяди, и они продолжали так плакать, пока не настало утро. А потом Тадж-аль-Мулук поднялся и пошел к своей матери, одетый в дорожные одежды. И мать спросила его, что с ним, и когда он повторил ей весь рассказ, она дала ему пятьдесят тысяч динаров и простилась с ним, и он ушел от нее, после того как она пожелала ему благополучия и встречи с любимыми. А затем Тадж-альМулук вошел к своему отцу и попросил разрешения выезжать, и отец его позволил и дал ему пятьдесят тысяч динаров, и царевич приказал поставить себе шатер за городом, и ему поставили шатер, где он пробыл два дня, а потом уехал.

И Тадж-аль-Мулук подружился с Азизом и говорил ему: "О брат мой, я не могу больше расстаться с тобою". И Азиз отвечал: "И я также, и я хотел бы умереть у твоих ног, но только, о брат мой, мое сердце занято мыслью о матери". – "Когда мы достигнем желаемого, будет одно лишь добро", ответил Тадж-аль-Мулук. И они поехали, и везирь наставлял Тадж-аль-Мулука быть стойким, а Азиз развлекал его сказками, говорил стихи и рассказывал летописи и истории, и они шли быстрым ходом ночью и днем в течение двух полных месяцев. И путь показался Тадж-аль-Мулуку долгим, и огни разгорелись в нем сильнее, и он произнес:

"Путь долог, и велики волненья и горести,

И в сердце моем любовь великим огнем горит.

Клянусь, о мечта моя, желаний предел моих,

Клянусь сотворившим нас из крови сгустившейся,

Я бремя любви к тебе несу, о желанная,

И горы высокие снести не могли б его,

О жизни владычица, убила любовь меня,

И мертвым я сделался – дыханья уж нет во мне.

Когда б не влекла меня надежда познать тебя,

Не мог бы спешить теперь в пути я, стремясь к тебе".

А окончив свои стихи, Тадж-аль-Мулук заплакал, и Азиз заплакал вместе с ним, так как у него было ранено сердце, и сердце везирия размягчилось из-за их плача. "О господин, – сказал он, – успокой свою душу и прохлади глаза – будет тебе только одно добро". А Тадж-альМулук воскликнул: "О везирь, время пути продлилось! Скажи мне, сколько между нами и городом?" – "Осталось лишь немного", – сказал Азиз. И они ехали, пересекая долины и кручи, степи и пустыни. И вот в одну из ночей Тадж-аль-Мулук спал и увидел во сне, что его любимая с ним, и он обнимает ее и прижимает к груди, и он проснулся испуганный и устрешенный, с улетевшим умом, и произнес:

"О други, блуждает ум, и слезы текут струей,

И страсть велика моя, и вечно со мной любовь.

Я плачу теперь, как мать, дитя потерявшая;

Когда наступает ночь, стенаю как голубь я.

И если подует ветер с земель, где живете вы,

Прохладу я чувствую, до нас доходящую.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Привет вам я буду слать, пока летит горlinkка

И дует восточный ветер и голубя слышен стон".

И когда Тадж-аль-Муluk окончил говорить стихи, к нему пошел везирь и сказал: "Радуйся – это хороший знак! Успокой свое сердце и прохлады глаза – ты обязательно достигнешь своей цели".

И Азиз тоже подошел к нему и стал уговаривать его потерпеть, и развлекал его, разговаривая и рассказывая ему сказки, и они спешили в пути и продолжали ехать " течение дней и ночей, пока не прошло еще два месяца.

И вот в какой-то день солнце засияло над ними, И им блеснуло вдали что-то белое. Тадж-аль-Муluk спросил Азиза: "Что это там белое?" И Азиз отвечал ему: "О владыка, это белая крепость, а вон город, к которому ты направляешься". И Тадж-аль-Муluk обрадовался, и они ехали до тех пор, пока не приблизились к городу, а когда они подъехали ближе, Тадж-аль-Муluk возвеселился до крайности, и прошли его горести и печали. А затем они вошли в город, будучи в обличий купцов (а царевич был одет как знатный купец), и пришли в одно место, которое называлось жилище купцов, – а это был большой хан. "Здесь помещение купцов?" – спросил Тадж-аль-Муluk Азиза, и тот ответил: "Да, это тот хан, где я стоял", – и они остановились там и, поставив своих животных на колени, сняли с них поклажу и сложили свои пожитки в кладовые. Они провели там четыре дня, чтобы отдохнуть, а потом везирь посоветовал им нанять большой дом, и они согласились на это и сняли себе просторно построенный дом, предназначенный для развлечений. И они поселились там, и везирь с Азизом стали придумывать какой-нибудь способ для Тадж-аль-Мулука, а Тадж-аль-Муluk был растерян и не знал, что делать. И везирь нашел такой способ, чтобы Тадж-аль-Муluk стал купцом на рынке материй.

И, обратившись к Тадж-аль-Мулуку и Азизу, он сказал: "Знайте, что если мы будем так сидеть здесь, мы не достигнем желаемого и не исполним того, что нам нужно. Мне пришло на ум нечто, и в этом, если захочет Аллах, будет благо". – "Делай, что тебе вздумается, – ответили ему Тадж-аль-Муluk и Азиз, – на старцах лежит благословение, а ты к тому же совершал всякие дела. Скажи же нам, что пришло тебе на ум". И везирь сказал Тадж-аль-Мулуку: "Нам следует нанять для тебя лавку на рынке материй, где ты будешь сидеть и торговать, ибо всякому – и знатному и простому – нужна ткань и кусок материи. Ты будешь находиться в этой лавке и сидеть там, и твое дело устроится, если захочет великий Аллах, тем более что внешность твоя красива. Но только сделай Азиза у себя приказчиком и посади его с собою в лавке, чтобы он подавал тебе отрезки материи". Услышав эти слова, Тадж-аль-Муluk воскликнул: "Поистине, это правильный и хороший план!" И затем он вынул дорогую купеческую одежду, надел ее и пошел, а слуги его шли сзади, и одному из них он дал с собою тысячу динаров, чтобы устроить все нужное в лавке. И они шли до тех пор, пока не достигли рынка материй.

И когда купцы увидали Тадж-аль-Мулука, посмотрели на его красоту и прелесть, они пришли в недоумение и говорили: "Подлинно, Ридван [185] открыл врата рая и забыл об этом, и этот редкостно красивый юноша вышел оттуда". А другие говорили: "Может быть, он из ангелов". И, подойдя к купцам, они спросили, где лавка старосты, и им указали, и они шли, пока не пришли к старосте, к приветствовали его, и староста и те из купцов, кто был с ним, встали и посадили их и оказали им почтение изза везиря: они увидели, что это человек пожилой и уважаемый, и с ним юный Тадж-аль-Муluk и Азиз. И купцы говорили друг другу: "Этот старик несомненно отец двух этих юношей". – "Кто из вас староста рынка?" – спросил их везирь. И купцы ответили: "Вот он". И тут староста подошел, и везирь, посмотрев на него, увидел что это великий старец, достойный и степенный, обладатель слуг и рабов, белых и черных.

И староста приветствовал их, как приветствуют любимых, и усердно выказывал им уважение, и, посадив их с собою рядом, спросил: "Есть ли у вас нужда, которую мы были бы счастливы исполнить?" – "Да, – отвечал везирь, – я человек старый, далеко зашедший в годах, и со мной вот эти два юноши. Я путешествовал с ними по всем областям и странам. Вступив в какой-нибудь город, я всегда остаюсь в нем целый год, чтобы они могли осмотреть его и узнать его обитателей. Я прибыл в ваш город и избрал его местопребыванием, и я хочу получить от тебя лавку, и пусть это будет лавка хорошая, из лучших помещений, где я бы мог посадить их, чтобы они поторговали, осмотрели бы этот город, усвоили бы нравы его жителей и научились бы продавать и покупать, брать и отдавать".

И староста отвечал: "В этом нет беды!" А староста посмотрел на юношей и возрадовался им и полюбил их великой любовью: этот староста увлекался смертоносными взорами, и любовь к сынам превосходила в нем любовь к дочерям, и он был склонен к мужеложству. "Вот прекрасная дичь! Слава тому, кто сотворил их из ничтожной капли и придал им образ!" – подумал он и встал перед ними, прислуживая им, как слуга. А затем он приготовил им лавку, которая находилась посреди крытой галереи, и не было у них на рынке лавки лучше и виднее, так как это была давка разубранная и просторная с полками из слоновой кости и черного дерева. А потом староста отдал ключи везирю, бывшему в обличье старого купца, и сказал ему: "Бери, господин! Да сделает ее Аллах жилищем благословенным для твоих детей!" И везирь взял у него ключи. А затем они отправились в хан, где были сложены их пожитки, и приказали слугам перенести все бывшие у них товары и материи в ту лавку..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать вторая ночь

Когда же настала сто тридцать вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, взяв ключи от лавки, везирь, и вместе с ним Тадж-аль-Муluk и Азиз, отправились в хан и приказали слугам перенести бывшие у них товары, материи и редкости – а их было много и стоили они целой казны; и все это перенесли, а потом они пошли в лавку, сложили там свои пожитки и проспали эту ночь. Когда же настало утро, везирь взял обоих юношей и свел их в баню, и они искупались и вымылись, надели роскошные одежды, надушились, и насладились баней до конца. А каждый из юношей был блестяще красив и, будучи в бане, оправдывал слова поэта:

О радость прислужнику, чьи руки касаются

Их тела, рожденного меж влагой и светом.

Всегда в ремесле своем искусство являет он,

Когда даже с камфары срывает он мускус [186],

И потом они вышли из бани. А староста, услышав, что они пошли в баню, сел и стал ожидать их, и вдруг они подошли, подобные газелям: их щеки зарделись, и глаза почернели, а лица их сверкали, и были они, словно пара сияющих лун или две плодоносные ветви. И, увидев их, староста поднялся на ноги и воскликнул: "О дети мои, да будет баня вам всегда приятна!" И Тадж-аль-Муluk ответил ему нежнейшим голосом: "Пошли тебе Аллах приятное, о родитель мой! Почему ты не пришел к нам и не выкупался вместе с нами?" И потом оба склонились к руке старосты и поцеловали ее и шли впереди него, пока не пришли к лавке, из чинности и уважения к нему, так как он был начальником купцов рынка и раньше оказал им милость, отдав им лавку. И когда староста увидел их подрагивающие бедра, в нем поднялась великая страсть, и он стал пыхтеть и храпеть и не мог больше терпеть, и вперил в них глаза и произнес такое двустушие:

"Читает душа главу о боге едином в них [187],

И негде прочесть ей тут о многих богах главу.

Не диво, что, тяжкие, дрожат на ходу они,

Ведь сколько движения в том своде вертящемся".

И еще он сказал:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Увидел мой глаз – идут по земле они.

О, пусть бы прошли они вдвоем по глазам моим!"

Услыхав это, юноши стали заклинать его, чтобы он пошел с ними в баню во второй раз, и староста, едва поверив этому, поспешил в баню, и они вошли с ним, а везирь еще не выходил из бани. И, услышав голос старосты, он вышел и встретил его посреди бани и пригласил его, но староста отказался, и тогда Тадж-аль-Мулук схватил его за руку с одной стороны, а Азиз взял его за руку с другой стороны, и они ввели его в другую комнату. И этот скверный старик подчинился им, и его безумие еще увеличилось, и Тадж-аль-Мулук поклялся, что никто другой не вымоет его, а Азиз поклялся, что никто, кроме него, не будет поливать его водой.

И старик отказывался, а сам желал этого, и везирь сказал ему: "Они твои дети, дай им тебя вымыть и выкупать". – "Да сохранит их тебе Аллах! – воскликнул староста, – клянусь Аллахом, благословение и счастье поселились и нашем городе, когда пришли вы и те, кто с вами!"

И он произнес такие два стиха:

"Явился ты – и вся земля в зелени,

Цветут цветы перед взором смотрящего.

Кричит земля и все ее жители:

"Приют тебе и радость, пришедший к нам!"

И его поблагодарили за это, и Тадж-аль-Мулук все время мыл его, а Азиз поливал его водой. И староста думал, что душа его в раю. А когда они кончили ему прислуживать, он призвал на них благословение и сел рядом с везирем, как будто для того, чтобы поговорить с ним, а сам смотрел на Тадж-аль-Мулука и Азиза. А потом слуги принесли им полотенца, и они вытерлись, надели свое платье и вышли из бани, и тогда везирь обратился к старосте и сказал ему: "О господин, поистине баня – благо жизни!" "Да сделает ее Аллах здоровой для тебя и для твоих детей и да избавит их от дурного глаза! – воскликнул староста. – Помните ли вы что-нибудь из того, что сказали про баню красноречивые?" – "Я скажу тебе два стиха, ответил Тадж-аль-Мулук и произнес:

Жизнь в хаммаме [188] поистине всех приятней,

Только места немного в нем, к сожалению,

Райский сад там, где долго быть неприятно,

И геенна, войти куда – наслажденье".

А когда Тадж-аль-Мулук окончил свои стихи, Азиз сказал: "Я тоже помню о бане два стиха". – "Скажи их мне", – молвил старик. И Азиз произнес:

"О дом, где цветы цветут из скал твердокаменных!

Красив он, когда, светясь, огни вокруг него горят.

Геенной сочтешь его, хоть райский он, вправду, сад.

И часто встречаются там солнца и луны".

Когда Азиз окончил свои стихи, староста, которому понравилось то, что он сказал, посмотрел на их красоту и красноречие и воскликнул: "Клянусь Аллахом, вы обладаете всей прелестью и красноречием, но послушайте вы меня!" И он затянул напев и произнес такие стихи:

"Как прекрасно пламя, и пытка им услаждает нас,

И живит она и тела и души людям!

Подивись же дому, где счастья цвет всегда цветет,

Хоть огонь под ним, пламенея ярко, пышет.

Кто придет туда, в полной радости будет жить всегда,

И пролились в нем водоемов полных слезы".

И потом он пустил взоры своих глаз пастись на лугах их красоты и произнес такие два стиха:

"Я пришел к жилищу, и вижу я: все привратники

Мне идут навстречу, и лица их улыбаются.

И вошел я в рай, и геенну я посетил потом,

И Ридвану я благодарен был и Малику" [189].

Услышав это, все удивились таким стихам, а потом староста пригласил их, но они отказались и пошли к себе домой, чтобы отдохнуть от сильной жары в бане. Они отдохнули, поели и выпили и провели всю ночь в своем жилище, как только возможно счастливые и радостные. А когда настало утро, они встали от сна, совершили омовение, сотворили положенные молитвы и выпили утренний кубок. Когда же взошло солнце и открылись лавки и рынки, они поднялись, вышли из дому и, придя на рынок, открыли лавку. А слуги уже убрали ее наилучшим образом: они устлали ее подушками и шелковыми коврами и поставили там две скамеечки, каждая ценою в сто динаров, и накрыли их царским ковром, обшитым кругом золотой каймой, а посреди лавки были превосходные ковры, подходящие для

такого

места.

И Тадж-аль-Мулук сел на одну скамеечку, а Азиз на другую, а везирь сел посреди лавки, и слуги стояли пред ними. И жители города прослышали про них и столпились возле них, и они продали часть товаров и материй, и в городе распространилась молва о Тадж-аль-Мулуке и его красоте и прелести.

И они провели так несколько дней, и каждый день люди приходили все в большем количестве и спешили к ним. И везирь обратился к

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Тадж-аль-Мулуку, советуя ему скрывать свою тайну, и поручил его Азизу, и ушел домой, чтобы остаться с собою наедине и придумать дело, которое бы обернулось им на пользу; а Тадж-аль-Мулук с Азизом стали разговаривать, и царевич говорил Азизу: "Может быть, кто-нибудь придет от Ситт Дунья".

И Тадж-аль-Мулук проводил так дни и ночи, с беспокойной душой, не зная ни сна, ни покоя, и страсть овладела им, и усилились его любовь и безумие, так что он лишился сна и отказался от питья и пищи, а был он как луна в ночь полнолуния. И вот однажды Тадж-аль-Мулук сидит, и вдруг появляется перед ним женщина старуха..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать третья ночь

Когда же настала сто тридцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь Дандан говорил Дау-аль-Макану: "И вот однажды Тадж-аль-Мулук сидит, и вдруг появляется перед ним старуха.

Она приблизилась (а за нею шли две невольницы) и шла до тех пор, пока не остановилась у лавки Тадж-аль-Мулука, и, увидав, как он строен станом, прелестен и красив, она изумилась его красоте и налила себе в шальвары. "Слава тому, кто сотворил тебя из ничтожной капли и сделал тебя искушением для смотрящих!" – воскликнула она. А потом, взглядевшись в юношу, сказала: "Это не человек, это не кто иной, как вышний ангел!"

И она подошла ближе и поздоровалась с Тадж-аль-Мулуком, а он ответил на ее приветствие и встал на ноги, улыбаясь ей в лицо, и все это он сделал по указанию Азиза. Потом он посадил старуху с собою рядом и стал овеать ее опухом, пока она не отошла и не отдохнула, и тогда старуха обратилась к Тадж-аль-Мулуку и спросила: "О дитя мое, о совершенный по свойствам и качествам, из здешних ли ты земель?" – "Клянусь Аллахом, госпожа, – ответил Тадж-аль-Мулук ясным, нежным и прекрасным голосом, я в жизни не вступал в эти края прежде этого раза и остался здесь только для развлечения". – "Да будет тебе почет среди прибывших! Простор и уют тебе! – воскликнула старуха. – А какие ты привез с собою материи? Покажи мне что-нибудь красивое; прекрасные ведь привозят только прекрасное". Когда Тадж-аль-Мулук услышал эти слова, его сердце затрепетало, и он не понял смысла ее речей, но Азиз подмигнул ему и сделал знак, и Тадж-аль-Мулук сказал: "У меня все, что ты захочешь, и со мною есть все материи, подходящие только царям и царским дочерям. Расскажи мне, для кого то, что ты хочешь, чтобы я мог показать тебе материи, подходящие для тех, кто будет владеть ими (а говоря это, он хотел понять смысл речей старухи).

"Я хочу материю для Ситт Дунья, дочери царя Шахрамана", – сказала она. И, услышав имя своей любимой, Тадж-аль-Мулук сильно обрадовался и приказал Азизу: "Принеси мне такую-то кипу!" И когда тот принес кипу и развязал ее перед ним, Тадж-аль-Мулук сказал старухе: "Выбери то, что ей годится, таких тканей не найти ее у других купцов". И старуха выбрала материй на тысячу динаров и спросила: "Почем это?" (а она разговаривала с юношей и чесала ладонью между бедрами), и Тадж-аль-Мулук сказал ей: "Разве буду я с тобой торговаться об этой ничтожной цене! Слава Аллаху, который дал мне узнать тебя!" – "Имя Аллаха на тебе! – воскликнула старуха. – Прибегаю к господину небосвода от твоего прекрасного лица! Лицо прекрасно и слово ясно! На здоровье той, кто будет спать в твоих объятиях и сжимать твой стан и насладится твоей юностью – особенно если она красива и прелестна, как ты".

И Тадж-аль-Мулук так засмеялся, что упал навзничь и воскликнул: "О, исполняющий нужды через развратных старух! Это они исполняют нужды!" "О дитя мое, как тебя зовут?" – спросила старуха. "Меня

зовут Тадж-аль-Мулук", – отвечал юноша. "Это имя царей и царских детей, а ты в одежде купцов", – сказала она. И Азиз молвил: "Его родители и близкие так любили его и так дорожили им, что называли его этим именем!" – "Ты прав! – воскликнула старуха, – да избавит вас Аллах от дурного глаза и от зла врагов и завистников, хотя бы красота ваша пронзала сердца!" И потом она взяла материи и пошла, ошеломленная его красотой и прелестью и стройностью его стана.

И она ушла и пришла к Ситт Дунья и сказала ей: "О госпожа, я принесла тебе красивую материю". – "Покажи ее мне", – сказала царевна, и старуха молвила: "О госпожа, вот она, пощупай ее, глаз мой, и посмотри на нее". И когда Ситт Дунья увидела материю, она изумилась ей и воскликнула: "О нянюшка, это прекрасная материя! Я не видела такой в нашем городе". – "О госпожа, – ответила старуха, – продавец ее еще лучше. Кажется, Ридван открыл ворота рая и забылся и оттуда вышел прекрасный юноша, тот, что продает эти материи. Я хочу, чтобы он сегодня ночью проспал около тебя и был бы между твоих грудей. Он привез в наш город дорогие материи, чтобы повеселиться, и он искушение для тех, кто видит его".

И Ситт Дунья засмеялась словам старухи и воскликнула: "Да посрамит тебя Аллах, скверная старуха! Ты заговариваешься, и у тебя не осталось больше ума. Дай мне материю, я посмотрю на нее хорошенько", – сказала она потом, и старуха дала ей материю, и, посмотрев на нее второй раз, царевна увидела, что ее мало, а цена ее велика, и материя ей понравилась, так как она в жизни такой не видала. "Клянусь Аллахом, это прекрасная материя!" – воскликнула она, и старуха сказала: "О госпожа, если бы ты видела ее обладателя, ты наверное узнала бы, что он красивей всех на лице земли". – "Ты спрашивала его, нет ли у него нужды? Пусть он осведомит нас о ней, и мы ее исполним", – сказала царевна. И старуха ответила, покачивая головой: "Аллах да сохранит твою пронзательность! Клянусь Аллахом, у него поистине есть нужда! Да не потеряешь ты своего знания! А есть ли кто-нибудь, кто свободен и избавлен от нужды!" – "Пойди к нему, – сказала ей Ситт Дунья, – передай ему привет и скажи: "Ты почтил своим приходом нашу землю и наш город, и какие у тебя есть нужды, мы их исполним. На голове и на глазах!"

И старуха вернулась к Тадж-аль-Мулуку в тот же час, и, когда он увидал ее, его сердце улетело от радости и веселья, и он поднялся ей навстречу и, взяв старуху за руки, посадил ее с собою рядом. И старуха присела и, отдохнув, рассказала ему, что ей говорила Ситт Дунья. И, услышав это, Тадж-аль-Мулук обрадовался до крайней степени, и его грудь расширилась и расправилась, и веселье вошло в его сердце. "Моя нужда исполнена!" – подумал он и сказал старухе: "Может быть, ты возьмешь от меня письмо к ней и принесешь мне ответ". – "Слушаю и повинуюсь", – ответила старуха. И тут царевич приказал Азизу: "Поддай мне чернильницу и бумагу и медный калам!" И когда Азиз принес ему эти принадлежности, он взял калам в руки и написал такие стихи:

"Пишу я тебе, надежда моя, посланье

О том, как страдать в разлуке с тобою я должен,

И в первой строке: огонь разгорелся в сердце.

Вторая строка: о страсти моей и чувстве.

А в третьей строке: я жизнь потерял и стойкость,

В четвертой строке: а страсть целиком осталась.

А в пятой строке: когда вас увидит глаз мой?

В шестой же строке: когда же придет день встречи?"

А под этим он подписал: "Это письмо от пленен и в тюрьме томления заточен, быть из нее освобожден, если встречи и дит он, после того как в разлуке был разлукою с милыми терзаем и пыткой любви пытаем".

И он пролил слезы из глаз и написал такие два стиха:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Пишу я тебе, и слезы мои струятся,

И нету конца слезам моих глаз вовеки,

На милость творца надежду пока храню я

Быть может, с тобой и встретимся мы однажды".

Потом он свернул письмо и, запечатав его, отдал старухе и сказал ей: "Доставь его Ситт Дунья!" И она отвечала: "Слушаю и повинуюсь!" А затем Тадж-аль-Мулук дал ей тысячу динаров и сказал: "О матушка, прими это от меня в подарок, в знак любви", – и она взяла их от него и призвала на него милость и ушла. И она шла до тех пор, пока не пришла к Ситт Дунья, и та, увидав ее, спросила: "О нянюшка, о каких нуждах он просит, мы исполним их". – "О госпожа, – ответила старуха, – он прислал со мною это письмо, и я не знаю, что в нем". И царевна взяла письмо, прочитала его и, поняв его смысл, воскликнула: "Откуда это и до чего я дошла, если этот купец посылает мне письма и просит встречи со мною!" И она стала бить себя по лицу и воскликнула: "Откуда мы явились, что дошли до торговцев! Ах, ах! Клянусь Аллахом, – воскликнула она, – если бы я не боялась Аллаха, я бы наверное убила его и распяла бы на дверях его лавки". – "А что такого в этом письме, что оно так встревожило тебе сердце и расстроило твой ум? – спросила старуха. – Глянь-ка, жалобы ли там на обиду или требование платы за материю?" – "Горе тебе, там не то: там только слова любви и страсти! – воскликнула царевна. – Все это из-за тебя, а иначе откуда этот сатана узнал бы меня". – "О госпожа, – ответила старуха, – ты сидишь в своем высоком дворце, и не достигнет тебя никто, даже летящая птица. Да будешь ты невредима, и да будет твоя юность свободна от упреков и укоризны. Что тебе от лая собак, когда ты госпожа, дочь господина? Не взыщи же с меня за то, что я принесла тебе ее письмо, не зная, что есть в нем. Тебе лучше будет, однако, дать ему ответ и пригрозить ему убийством. Запрети ему так болтать – он с этим покончит и не вернется ни к чему подобному". – "Я боюсь, что, если я напишу ему, он позарится на меня", – сказала Ситт Дунья. По старуха молвила: "Когда он услышит угрозы и застрашивание, он отступится от того, что начал". "Подать чернильницу, бумагу и медный калам!" – крикнула тогда царевна, и, когда ей подали эти принадлежности, она написала такие стихи:

"О ты, утверждающий, что любишь и сна лишен

И муки любви узнал и думы тяжелые

Ты просишь, обманутый, сближенья у месяца;

Добьется ли кто-нибудь желанного с месяцем?

Тебе я ответ даю о том, чего ищешь ты.

Будь скромн! Опасности ты этим подверг себя.

А если вернешься ты ко прежним речам твоим,

Придет от меня к тебе мученье великое.

Клянусь сотворившим нас из крови сгустившейся

У солнцу и месяцу подавшим блестящий свет,

Поистине, коль опять вернешься к речам твоим,

Я, право, распну тебя на пальмовом дереве"

Потом она свернула письмо, дала его старухе и сказала: "Отдай это ему и скажи: "Прекрати такие речи!" И старуха ответила: "Слушаю и повинуюсь!" И она взяла письмо, радостная, и пошла к себе домой и переночевала дома, а когда настало утро, она отправилась в лавку Тадж-аль-Мулука и нашла его ожидающим. И при виде ее он едва не улетел от радости, а когда она приблизилась, он поднялся ей навстречу и посадил ее рядом с собой. И старуха вынула листок и подала его юноше, со словами: "Прочитай, что тут есть! – и прибавила: – когда Ситт Дунья прочла твое письмо, она рассердилась, то я уговорила ее и шутила с ней, пока не рассмешила ее, и она смягчилась к тебе и дала тебе ответ!" И Таджаль-Мулук поблагодарил ее за это и велел Азизу дать ей тысячу динаров, а затем он прочитал письмо и, поняв его, разразился сильным плачем, и сердце старухи размягчилось, и ей стало тяжело слышать его плач и сетования. "О дитя мое, что в этом листке заставило тебя плакать?" – спросила она, и юноша отвечал: "Она грозит мне, что убьет и распнет меня, и запрещает мне посылать ей письма, а если я не буду писать – смерть будет для меня лучше, чем жизнь. Возьми же ответ на ее письмо, и пусть она делает, что хочет". "Да будет жива твоя молодость! – воскликнула старуха. – Я непременно подвергнусь опасности вместе с тобою, но исполню твое желание и приведу тебя к тому, что у тебя на уме". – "За все, что ты сделаешь, я вознагражу тебя, и

ты найдешь это на весах моих поступков,

– ответил Тадж-аль-Мулук. – Ты опытна в обращении с людьми и знаешь все нечистые способы. Все трудное для тебя легко, а Аллах властен над всякой вещью".

И потом он взял листочек и написал на нем такие стихи:

"Она угрожает мне убийством, – о смерть моя,

Но гибель мне отдых даст, а смерть суждена мне.

Смерть слаще влюбленному, чем жизнь, что влачится так,

Коль горем подавлен он и милой отвергнут.

Аллахом прошу я вас, придите к любимому

Лишен он защитников, он раб ваш, плененный,

Владыки, смягчитесь же за то, что люблю я вас!

Кто любит свободного, всегда невиновен".

Потом он глубоко вздохнул и так заплакал, что старуха тоже заплакала. А затем она взяла у него листок и сказала: "Успокой твою душу и прохлади глаза! Я непременно приведу тебя к твоей цели..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать четвертая ночь

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда же настала сто тридцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Тадж-аль-Мулук заплакал, старуха сказала ему: "Успокой свою душу и прохлады глаза, – я непременно приведу тебя к твоей цели". А потом она поднялась и, оставив его на огне, отправилась к Ситт Дунья и увидала, что у той изменился цвет лица от гнева из-за письма Тадж-аль-Мулука. И старуха подала ей письмо, а она еще более разгневалась и сказала: "Не говорила ли я тебе, что он будет желать нас!" – "А что такое эта собака, чтобы ему желать тебя?" – воскликнула старуха. И Ситт Дунья сказала ей: "Пойди и скажи ему: "Если ты будешь впредь посылать мне письма, я отрублю тебе голову!" – "Напиши ему эти слова в письме, а я возьму письмо с собою, чтобы стал сильнее его страх", – сказала старуха. И Ситт Дунья взяла листок и написала на нем такие стихи:

"О ты, кто небрежен был к превратности случая

И близости с милыми достигнуть бессилен был"

Ты хочешь обманутый, достигнуть Медведицы,

Но светлого месяца не мог ты достичь еще,

Так как же надеешься и хочешь быть близок к нам

И жаждешь счастливым быть, сжимая наш тонкий стаи?

Забудь же ты эту цель, страшась моей ярости

В день мрачный, когда глава седою становится".

Потом она свернула письмо и подала его старухе, а старуха взяла его и пошла к Тадж-аль-Мулуку. И юноша, увидев ее, поднялся на ноги и воскликнул: "Да не лишит меня Аллах благословения твоего прихода!" – "Возьми ответ на твое письмо", – сказала старуха. И юноша взял листок и, прочитав его, горько заплакал и воскликнул: "Я хотел бы, чтобы кто-нибудь убил меня теперь, и я бы отдохнул! Поистине, смерть для меня легче, чем то, что теперь со мною!" И он взял чернильницу, калам и бумагу и написал письмо, где вывел такие стихи:

"Желанная! Не стремись далекой и грубой быть!

Приди же к любимому, в любви утонувшему.

Не думай, что жить могу, когда ты сурова так,

И дух мой с любимыми покинуть готов меня".

Потом юноша свернул письмо и отдал его старухе и сказал ей: "Не взыщи с меня, – я утомил тебя без пользы". И он велел Азизу дать старухе тысячу динаров и молвил: "О матушка, за этим письмом последует или полное сближение, или полный разрыв". А старуха ответила: "О дитя мое, я хочу для тебя только добра и желаю, чтобы она была у тебя, ибо ты месяц, сияющий ярким светом, а она восходящее солнце. Если я не соединю вас, нет пользы от моей жизни. Я провела жизнь в коварстве и обмане и достигла девяноста лет. Так неужели же не хватит у меня сил свести двоих для запретною дела?" И она попрощалась с ним, успокоив его сердце, и ушла, и шла до тех пор, пока не пришла к Ситт Дунья, а листок она спрятала в волосах. И усевшись подле нее, она почесала голову и сказала: "О госпожа, может быть, ты поищешь у меня в волосах, я давно не ходила в баню". И Ситт Дунья обнажила руки до локтей, распустила волосы старухи и принялась искать у нее в голове, и листок выпал из ее волос. И Ситт Дунья увидела его и спросила: "Что это за листок?", и старуха ответила: "Наверное, когда я сидела в лавке того купца, эта бумажка прицепилась ко мне. Дай мне ее, я ее отнесу ему: может быть, там счет, который ему нужен". И Ситт Дунья развернула листок, и прочла его и поняла его содержание, и сказала старухе: "Это хитрость из твоих хитростей. Если бы ты не была моей воспитательницей, я бы сейчас ударила тебя. Аллах наслал на меня этого купца, и все, что со мной случилось, из твоей головы. Не знаю, из каких земель пришел к нам этот купец, но никто, кроме него, не может отважиться на такое. Я боюсь, что мое дело раскроется, тем более что это человек не моей породы и не ровня мне". И старуха приблизилась к ней и сказала: "Никто не может говорить такие слова из страха перед твоей яростью и уважения к твоему отцу. Не будет беды, если ты ему ответишь". – "О нянюшка, – воскликнула царевна, – как осмелился этот сатана на такие речи, не боясь ярости султана? Не знаю, что с ним делать: если я прикажу его убить – это будет несправедливо, а если я оставлю его – он делается еще более дерзким". – "Напиши ему письмо, может быть, он отступится", – сказала старуха. И тогда царевна потребовала листок бумаги, чернильницу и калам и написала такие стихи:

"Продлился упреков ряд, и дурь тебя гонит,

И долго ль рукой своей в стихах запрещать мне?

Запретил желание твое лишь усилили,

И будешь доволен ты, коль тайну я скрою.

Скрывай же любовь свою, открыть не дерзай ее,

А слово промолвишь ты, я слушать не буду.

А если вернешься ты ко прежним речам своим,

То птица-разлучница, найдет тебя с криком.

И смерть к тебе ринется уж скоро, жестокая;

Приют под землей тогда найдешь ты навеки.

И близких оставил ты, обманутый, в горести,

В разлуке с тобой они весь век свой проплачут".

Потом она свернула письмо и отдала его старухе, и та взяла его и пошла к Тадж-аль-Мулуку и отдала ему письмо. И юноша, прочтя письмо, понял, что у царевны жестокое сердце и что он не достигнет ее. И он пожаловался на это везирию и потребовал от него хорошего плана, и везирь сказал ему: "Знай, что тебе будет полезно с нею только одно: напиши ей письмо и призови на нее гнев Аллаха". – "О брат мой, о Азиз, напиши ей за меня, как ты знаешь", – сказал юноша. И Азиз взял листок и написал такие стихи:

"Господь! – пятью старцами молю я – спаси меня

И ту, кем испытан я, заставь горевать по мне!

Ты знаешь, что пламенем весь воздух мне кажется,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Любимый жесток ко мне, не знающий жалости.

Доколь буду нежен с ней в моем испытании?

Довольно терзать меня дано ей, бессильного?

Блуждаю в мученьях я, конца тем мученьям нет,

Не вижу помощника; господь, ты поможешь мне

Доколе стараться мне забыть, что люблю ее,

И как мне забыть ее, раз стойкость ушла в любви?

О ты, что мешаешь мне усладу познать в любви,

Тебе не опасна ли беда и превратности?

Ведь радостна жизнь твоя, а я за тобой ушел

От близких и родины и ныне в краю чужом".

Потом Азиз свернул письмо и подал его Тадж-аль-Мулуку, и когда тот прочел письмо, оно ему понравилось, и он отдал его старухе, а та пошла с ним и, войдя к Ситт Дунья, подала ей письмо. И царевна, прочтя письмо и поняв содержание, сильно разгневалась и воскликнула: "Все, что случилось со мной, вышло из головы этой скверной старухи!" И она кликнула невольниц и евнухов и сказала им: "Схватите эту проклятую, коварную старуху и побейте ее сандалиями!" И они били ее сандалиями, пока она не обеспамятела, а когда старуха очнулась, царевна сказала ей: "О скверная старуха, если бы я не боялась Аллаха великого, я бы, право, убила тебя! Побейте ее еще раз", – сказала она потом, и старуху били, пока она не лишилась чувств, а затем царевна велела тащить ее по земле и выбросить за ворота. И старуху поволокли, лицом вниз, и бросили перед воротами, а очнувшись, она пошла, то идя, то сядясь, и дошла до своего жилища.

И она подождала до утра, а потом поднялась и пошла к Тадж-аль-Мулуку и рассказала ему обо всем, что случилось с нею, и царевич, которому стало тяжело от этого, сказал ей: "Нам тяжело, о матушка, то, что случилось с тобою, но все суждено и предопределено". А старуха молвила: "Успокой свою душу и прохладя глаза! Я не перестану стараться, пока не сведу тебя с ней и не приведу тебя к этой распутнице, которая сожгла меня боями". – "Расскажите мне, почему она ненавидит мужчин", – сказал Тадж-аль-Мулук. "Потому что она видела сон, который вызвал эту ненависть", – ответила старуха. "А какой это сон?" – спросил Тадж-аль-Мулук. И старуха сказала: "Как-то ночью она спала и увидела, что охотник поставил на земле сети и насыпал вокруг них пшеницы, а сам сел поблизости, и не осталось птицы, которая бы не полетела к этим сетям. А среди этих птиц она увидела двух голубков, самца и самку. И царевна смотри г на сети и видит, что нога самца завязла в сетях, и он начал биться, и все птицы разлетелись от него и умчались, по его жена вернулась к нему, покружилась над ним, опустилась и подошла к сети (а охотник не замечал ее). И она стала клевать то колечко, в котором завязла нога самца, и тянула его клювом, пока не освободила ногу голубка из сетей, и они оба улетели. И после этого пришел охотник и исправил сети и сел поодаль. И прошло не более часа, как птицы прилетели, и в сетях завязла самка. И все птицы улетели от нее, и среди них самец, и он не вернулся к своей самке, и пришел охотник и захватил самку и зарезал ее. И царевна пробудилась от сна, испуганная, и воскликнула: "Все самцы таковы, как этот: в них нет добра – и во всех мужчинах нет добра для женщин!"

И когда она кончила рассказывать, Тадж-аль-Мулук сказал ей: "О матушка, я хочу на нее посмотреть один разок, хотя бы была мне от этого смерти! Придумай же хитрость, чтобы мне увидеть ее". – "Знай, – сказала старуха, – что у нее есть сад, под дворцом, для ее прогулок, и она выходит туда один раз каждый месяц, из потайной двери. Через десять дней настанет ей время выйти на прогулку. И когда она захочет выйти, я приду и уведомя тебя, чтобы ты пошел и встретился с нею. Постарайся не покидать сада: может быть, когда она увидит твою красоту и прелесть, к ее сердцу привяжется любовь к тебе. Ведь любовь–главная причина единения". И Тадж-аль-Мулук отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" А затем он, вместе с Азизом, поднялся и вышел из лавки, и взял с собой старуху, и они пошли к своему жилищу и показали его старухе. И Тадж-аль-Мулук сказал Азизу: "О брат мой, нет мне надобности в лавке! То, что мне было от нее нужно, уже сделано, и я дарю тебе ее со всем, что есть в ней, так как ты ушел со мною на чужбину и оставил твою страну". И Азиз принял от него это. А потом они сидели и разговаривали, и Тадж-аль-Мулук стал расспрашивать Азиза о его диковинном положении и о том, что случилось с ним. И Азиз рассказывал, что ему довелось испытать, а затем они пришли к везиру и сообщили ему, что решил Тадж-аль-Мулук. "Как поступить?" – спросили они его, и он сказал: "Идемте в сад", – и тогда каждый из них надел лучшее, что у него было, и они вышли, а сзади них шли три невольника, и они отправились в сад и увидели, что там много деревьев и полноводные каналы, и увидели садовника, который сидел у ворот. И они приветствовали садовника, и тот ответил на их приветствие, и тогда везирь протянул ему сто динаров и сказал: "Я хочу, чтобы ты взял это на расходы и купил нам чего-нибудь поесть. Мы чужеземцы, и со мной эти юноши, и мне захотелось с ними прогуляться". Садовник взял деньги и сказал: "Входите и гуляйте сад весь ваше владение. Посидите, пока я вам принесу чего-нибудь поесть".

Потом он отправился на рынок, а везирь с Тадж-альМулуком и Азизом, когда садовник ушел на рынок, вошли внутрь сада, и через часок садовник вернулся с жареным ягненком и хлебом, точно хлопок, и сложил это перед ними, и они поели и попили, а затем садовник принес им сладостей, и они полакомились и вымыли руки и сидели, разговаривая. "Расскажи мне про этот сад: твои ли он, или ты его нанимаешь?" – спросил везирь. "Он не мой, он принадлежит царской дочери, Ситт Дунья", – ответил старик. "А сколько тебе платят каждый месяц?" – спросил везирь, и садовник отвечал: "Один динар, не больше". И везирь оглядел сад и увидел там высокий дворец, но только он был ветхий. "О старец, – сказал он, – я хочу сделать здесь добро, за которое ты будешь меня вспоминать". – "А какое ты хочешь сделать добро?" – спросил старик, и везирь, сказал: "Возьми эти триста динаров". И, услышав упоминанье о золоте, садовник воскликнул: "О господин, что хочешь, то и делай, а везирь дал ему денег и сказал: "Если захочет Аллах великий, мы сделаем добро в этом месте". И затем они вышли от него и пришли в свое жилище и проспали эту ночь, а назавтра везирь призвал белильщика и рисовальщика и хорошего золотых дел мастера, принес им все, какие было нужно, инструменты и, приведя их в сад, приказал им выбелить этот дворец и разукрасить его всякими рисунками. А затем он велел принести золота и лазури и сказал рисовальщику: "Нарисуй посредине этой стены образ человека-охотника, и как будто он расставил сети и туда попали птицы и голубка, которая завязла клювом в сетях".

И когда рисовальщик разрисовал одну сторону и кончил рисовать, везирь сказал ему: "Сделай на другой стороне то же, что на этой, и нарисуй образ одной только голубки в сетях и охотника, который взял ее и приложил нож к ее шее, а с другой стороны нарисуй большую хищную птицу, которая поймала самца-голубя и вонзила в него когти". И рисовальщик сделал это, и когда они покончили со всем тем, о чем упоминал везирь, тот отдал им плату, и они ушли, а везирь и те, кто был с ним, тоже удалились, и, попрощавшись с садовником, отправились в свое жилище. И они сидели за беседой, и Тадж-аль-Мулук сказал Азизу: "О брат мой, скажи мне какие-нибудь стихи, может быть моя грудь расправится и покинут меня эти думы и охладет пламя огня в моем сердце". И тогда Азиз затянул напев и произнес такие стихи:

"Все то, что влюбленные сказали о горестях,

Я все испытал один, и стойкость слаба моя.

А если слезой моей захочешь напиться ты,

Обильны моря тех слез для жаждой томящихся.

Когда же захочешь ты взглянуть, что наделала

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

С влюбленным рука любви, на тело взгляни мое".

Потом он пролил слезы и произнес такие стихи:

"Кто гибких не любит шей и глаз поражающих,

И мнит, что знал радости он в жизни, – ошибся тот.

В любви заключается смысл высший, и знать его

Средь тварей лишь тем дано, кто сам испытал любовь.

Аллах не сними с души любви ко любимому

И век не лиши моих бессонницы сладостной!"

А после он затянул напев и произнес:

"Говорит в "Основах" Ибн Сина нам, что влюбленные

Исцеление обретут себе в напевах

И во близости с тем, кто милым равен и близок к ним,

И помочь должны и плоды, и сад, и вина.

Попытался раз исцеление я с другим найти,

Помогали мне и судьба моя и случай,

Но узнал я лишь, что любви болезнь убивает нас

И лечение, что Ибн Сина дал, – лишь бредни".

А когда Азиз окончил свои стихи, Тадж-аль-Мулук удивился, как он красноречиво и хорошо их произнес, и воскликнул: "Ты рассеял часть моей заботы!" А везирь сказал: "Древним выпадало на долю то, что изумляет слушающих". – "Если тебе пришло на ум что-нибудь в таком роде, дай мне услышать, что помнишь, из этих нежных стихов, и продли беседу", – сказал Тадж-аль-Мулук. И везирь затянул напев и произнес:

"Раньше думал я, что любовь твоя покупается

Иль подарками, иль красою лиц прекрасных.

И считал, глупец, что любовь твою мне легко добыть,

Хоть не мало душ извела она высоких,

Но увидел я, что любимого одаряешь ты,

Раз избрав его, драгоценными дарами.

И узнал тогда, что уловками не добыть тебя,

И накрыл главу я крылом своим уныло.

И гнездо любви для жилья с тех пор я избрал себе,

А наутро там и под вечер там я вечно",

Вот что было с этими, а что до старухи, то она уединилась в своем доме. И царевне захотелось прогуляться в саду (а она выходила только со старухой), и, послав за нею, она помирилась с ней и успокоила ее и сказала: "Я хочу выйти в сад и взглянуть на деревья и плоды, чтобы моя грудь расширилась от запаха цветов". И старуха ответила: "Слушаю и повинуюсь! Но я хочу пойти домой и надеть одежду, а потом приду к тебе". "Иди домой и не мешкай", – отвечала царевна. И старуха вышла от нее и направилась к Тадж-аль-Мулуку и сказала: "Собирайся, надень твои лучшие одежды и ступай в сад. Иди к садовнику, поздоровайся с ним и спрячься в саду". – "Слушаю и повинуюсь!" – сказал царевич, и старуха условилась с ним, какой она подаст ему знак.

Потом она пошла к Ситт Дунья, и после ее ухода, везирь и Азиз одели Тадж-аль-Мулука в платье из роскошнейших царских одежд, стоившее пять тысяч динаров, и повязали ему стан золотым поясом, украшенным дорогими камнями и драгоценностями, а потом они пошли в сад, и, придя к воротам, увидели, что садовник сидит там. И, увидя царевича, садовник встал на ноги и встретил его с уважением и почетом и, открыв ему ворота, сказал: "Войди, погуляй в саду". Но не знал он, что царская дочь придет в этот день в сад.

И Тадж-аль-Мулук вошел в сад и провел там не больше часа; и вдруг он услышал шум, и не успел он очнуться, как евнухи и невольницы вышли из потайной двери. И садовник, увидя их, пошел к Тадж-аль-Мулуку и сообщил ему о приходе царевны и сказал: "О владыка, как быть? Пришла царевна, Ситт Дунья". – "С тобой не будет беды, я спрячусь где-нибудь в саду", ответил царевич. И садовник посоветовал ему спрятаться как можно лучше. А потом он оставил его и ушел. И когда царевна с невольницами и старухой вошла в сад, старуха сказала себе: "Пока евнухи с нами, мы не достигнем цели!" "О госпожа, – обратилась она к царевне, – я скажу тебе что-то, в чем будет отдых для твоего сердца". – "Говори, что у тебя есть", – отвечала царевна, и старуха сказала: "О, госпожа, эти евнухи сейчас тебе не нужны, и твоя грудь не расправится, пока они будут с нами. Отошли их от нас". – "Твоя правда", – ответила Ситт Дунья и отослала евнухов. А спустя немного она пошла по саду, и Тадж-аль-Мулук стал смотреть на нее и на ее красоту и прелесть, а она не знала об этом. И, взглядывая на нее, он всякий раз терял сознание при виде ее редкой красоты, а старуха потихоньку уводила царевну, беседуя с ней, пока не привела ее ко дворцу, который везирь велел разрисовать. И царевна подошла к дворцу и поглядела на рисунки и, увидев птиц, охотника и голубей, воскликнула: "Слава Аллаху! Это как раз то, что я видела во сне!" И она стала рассматривать изображения птиц, охотника и сетей, дивясь им, и сказала: "О нянюшка, я порицала мужчин и питала к ним ненависть, но посмотри, как охотник зарезал самку, а самец освободился и хотел вернуться к ней и выручить ее, но ему повстречался хищник и растерзал его". А старуха прикидывалась незнающей и отвлекала царевну разговором, пока они не приблизились к тому месту, где спрятался Тадж-аль-Мулук. И тогда она показала ему знаком, чтобы он вышел под окна дворца. А Ситт Дунья в это время бросила взгляд и заметила юношу и увидела его красоту и стройность стана. "О нянюшка, воскликнула она, – откуда этот прекрасный юноша?" И старуха ответила: "Не знаю, но только я думаю, что это сын великого царя, так как он достиг пределов красоты и обладает крайнею прелестью".

И Ситт Дунья обезумела от любви к нему, и распались цепи сковывавших ее чар, и ум ее был ошеломлен красотой и прелестью юноши и стройностью его стана. И зашевелилась в ней страсть, и она сказала старухе: "О нянюшка, право, этот юноша красив!" И старуха ответила:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Твоя правда, госпожа!" И потом старуха сделала знак царевичу, чтобы он шел домой. А в нем уже запылал огонь страсти, и охватили его любовь и безумие. И он шел, не останавливаясь, и, простившись с садовником, отправился домой, и стремление к любимой взволновало в нем, но он не стал перечить приказу старухи. Он рассказал везирию и Азизу, что старуха сделала ему знак идти домой, и оба стали уговаривать его потерпеть и говорили: "Если бы старуха не знала, что от твоего возвращения будет благо, она не указала бы тебе так сделать".

Вот что было с Тадж-аль-Мулуком, везирем и Азизом. Что же касается царской дочери, Ситт Дунья, то ее одолела страсть, и велики стали ее любовь и безумие, и она сказала старухе: "Я знаю, что свести меня с этим юношей можешь только ты". – "К Аллаху прибегаю от сатаны, побитого камнями!" – воскликнула старуха. "Ты не хотела мужчин, так как же постигло тебя бедствие от любви к нему? Но клянусь Аллахом, никто не годится для твоей юности, кроме него". – "О нянюшка, – сказала Ситт Дунья, – пособи мне и помоги сойтись с ним, и у меня будет для тебя тысяча динаров, и одежда в тысячу динаров, а если ты не поможешь мне сблизиться с ним, я умру несомненно". – "Иди к себе во дворец, а я постараюсь свести вас и пожертвую своей душой, чтобы вас удовлетворить", – сказала старуха. И тогда Ситт Дунья пошла во дворец, а старуха отправилась к Таджал-Мулуку, и царевич, увидя ее, поднялся и встретил ее с уважением и почетом. Он посадил старуху с собою рядом, и она сказала ему: "Хитрость удалась!" И поведала, что произошло у нее с Ситт Дуньей.

"Когда же будет встреча?" – спросил царевич, и она отвечала: "Завтра", – и Тадж-аль-Мулук дал ей тысячу динаров и одежду в тысячу динаров, и она взяла это и ушла.

И она шла, пока не пришла к Ситт Дуньей, и царевна спросила: "О нянюшка, какие у тебя вести о любимом?" И старуха сказала ей: "Я узнала, где он живет, и завтра я буду с ним у тебя". И Ситт Дунья обрадовалась и дала ей тысячу динаров и платье в тысячу динаров, и старуха взяла их и ушла к себе домой и проспала там до утра. А потом она вышла и, направившись к Тадж-аль-Мулуку, одела его в женскую одежду и сказала: "Ступай за мной и шагай покачиваясь, но иди не торопясь и не оборачивайся к тем, кто будет с тобою говорить". И, дав Таджал-Мулуку такое наставление, старуха вышла, и он вышел за нею, одетый, как женщина, и она стала его учить и подбадривать его в дороге, чтобы он не боялся. И она шла, а царевич за нею, пока они не пришли к воротам. И тут старуха вошла, а царевич за ней, и прошли они через двери и проходы, пока не миновали семь дверей. А подойдя к седьмой двери, она сказала Тадж-аль-Мулуку: "Укрепи свое сердце, и когда я крикну тебя и скажу: "Эй, девушка, проходи!" иди, не медля, и поторопись, а как войдешь в проход, посмотри налево – и увидишь помещение со множеством дверей. Отсчитай пять дверей и войди в шестую: то, что ты желаешь, находится там". – "А ты куда идешь?" – спросил Тадж-аль-Мулук, и старуха сказала: "Я никуда не иду, но, может быть, я опоздаю к тебе, и меня задержит старший евнух, и я заговорю с ним".

И она пошла, а царевич за нею, и достигла тех дверей, у которых сидел старший евнух. И евнух увидел со старухой Тадж-аль-Мулука в образе невольницы и спросил ее: "Что это за невольница с тобою?" – "Это невольница, про которую Ситт Дунья слышала, что она знает всякую работу, и царевна хочет купить ее", – отвечала старуха. Но евнух воскликнул: "Я не знаю ни невольницы, ни кого другого, и никто не войдет раньше, чем я обыщу его, как велел мне царь..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать пятая ночь

Когда же настала сто тридцать девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что евнух сказал старухе: "Я не знаю ни невольницы, ни кого другого, и никто не войдет раньше, чем я обыщу его, как велел мне царь". И старуха воскликнула с гневным видом: "Я знаю, что ты умный и воспитанный, а если ты теперь переменялся, я сообщу царевне, что ты не пускал ее невольницу". И потом она крикнула Тадж-аль-Мулуку: "Проходи, девушка!" И царевич прошел внутрь прохода, как она ему велела, а евнух промолчал и ничего не сказал.

А затем Тадж-аль-Мулук отсчитал пять дверей и, войдя в шестую, увидел Ситт Дуньей, которая стояла и ждала его. И царевна, увидев Тадж-аль-Мулука, узнала его и прижала юношу к груди, и он прижал ее к своей груди, а потом к ним вошла старуха и нашла способ отослать невольниц, боясь срама. "Будь ты привратницей", – сказала Ситт Дунья старухе, и потом она уединилась с Тадж-аль-Мулуком, и они, не переставая, обнимались, прижимались и сплетали ноги с ногами до самой зари. А когда приблизилось утро, Ситт Дунья вышла и заперла за собою дверь, а сама вошла в другую комнату и села там, как всегда. И невольницы пришли к пей, и она исполнила их просьбы и поговорила с ними, а потом сказала им: "Выйдите теперь от меня – я хочу развлечься одна". И невольницы вышли, а царевна пошла к Тадж-аль-Мулуку, а после пришла к ним старуха с коекакой едой, и они поели и ласкались до самой зари, а старуха заперла к ним дверь, как и в первый день, и они не прекращали этого в течение месяца.

Вот что было с Тадж-аль-Мулуком и Ситт Дуньей. Что же касается везирия и Азиза, то, когда Тадж-аль-Мулук отправился во дворец царской дочери и провел там столько времени, они поняли, что он не выйдет оттуда и погибнет несомненно. "О родитель мой, что ты будешь делать?" – спросил Азиз везирия, и тот сказал: "О дитя мое, это дело трудное, и если мы не воротимся к его отцу и не уведомим его об этом, он будет упрекать нас".

И они в тот же час и минуту собрались и направились к Земной земле и стране Двух Столбов, где была столица царя Сулейман-шаха, и пересекали долины ночью и днем, пока не вошли к царю Сулейман-шаху и не рассказали ему, что случилось с его сыном: с тех пор, как он вошел в замок царской дочери, они не имели вестей о нем. И тогда перед царем предстал судный день и его охватило сильное раскаяние, и он велел кликнуть в своем царстве клич о войне, и войска выступили в окрестности города, и для них поставили палатки, и царь сидел в своем шатре, пока войска не собрались со всех областей. А подданные любили его за великую справедливость и милости, и он выступил во главе войска, которое застлало горизонт, и отправился на поиски своего сына Тадж-аль-Мулука.

Вот что было с этими. Что же касается Тадж-аль-Мулука и Ситт Дуньей, то они провели так полгода, каждый день все сильнее любя друг друга, и Тадж-аль-Мулука охватила столь великая страсть, безумие, любовь и волнение, что он изъяснил ей затаенное и сказал: "Знай, о возлюбленная сердца и души: чем дольше я остаюсь у тебя, тем сильнее мое безумие, любовь и страсть, так как я не достиг желаемого полностью". – "А чего ты желаешь, о свет моего глаза и плод моей души? – спросила она. – Если ты хочешь не только обниматься и прижиматься и обвивать ноги ногами – сделай то, что тебе угодно, – ведь нет у Аллаха для нас сотоварищей". – "Не этого я хочу, – сказал Тадж-аль-Мулук. – Я желаю рассказать тебе, кто я в действительности. Знай, что я не купец, – нет, я царь, сын царя, и имя моего отца – великий царь Сулейман-шах, который послал везирия послов к твоему отцу, чтобы посватать тебя за меня, а когда весть об этом дошла до тебя, ты не согласилась".

И он поведал ей свою повесть с начала до конца, – а в повторении нет пользы, – и сказал: "А теперь я хочу отправиться к моему отцу, чтобы он послал посланного к твоему родителю и посватал тебя у него, и тогда мы успокоимся".

Услышав эти речи, Ситт Дунья сильно обрадовалась, так как это сходилась с ее желанием, и они заснули, согласившись на этом. И случилось, по предопределенному велению, что в эту ночь, в отличие от других ночей, сон одолел их, и они проспали, пока не взошло солнце.

А в это самое время царь Шахраман сидел на престоле своего царства, и эмиры его правления были перед ним, как вдруг вошел к нему староста ювелиров с большою шкатулкой в руках. Он подошел и раскрыл шкатулку перед царем и вынул из нее маленький ларчик, стоивший сто тысяч динаров столько было в нем жемчуга, яхонтов и смарагдов, которых не мог иметь ни один царь в какой-нибудь стране. И царь, увидев шкатулку, подивился ее красоте и, обернувшись к старшему евнуху, у которого случилось со старухой то, что случилось, сказал ему: "Эй, Кафур, возьми этот ларчик и отнеси его Ситт Дуньей!" И евнух взял его и ушел. И он достиг комнаты царевны и увидел, что дверь ее заперта и старуха спит на пороге. "До такого часа вы еще спите!" – воскликнул евнух, и старуха, услышав его слова, пробудилась от сна и испугалась. "Постой, я принесу тебе ключ", – сказала она и выбежала куда глаза глядят, убегая от евнуха, и вот все, что было с нею.

Что же касается евнуха, то он понял, что старуха смутилась, и, сорвав дверь, вошел в комнату и увидел Ситт Дуньей в объятиях Тадж-аль-

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Мулука, и оба они спали. Увидев это, евнух не знал, что делать, и собирался вернуться к царю, но тут Ситт Дунья проснулась и увидела его. И она изменилась в лице, побледнела и воскликнула: "О Кафур, покрой то, что покрыл Аллах!", а евнух ответил: "Я не могу ничего скрывать от царя!"

Потом он запер к ним дверь и вернулся к царю, и царь спросил его: "Отдал ли ты ларчик твоей госпоже?" – а евнух ответил: "Возьми ларец, вот он! Я не могу ничего от тебя скрыть! Знай, что я увидел подле Ситт Дунья красивого юношу, который спал с нею в одной постели, и они были обнажившись".

И царь велел привести обоих, и когда они явились к нему, крикнул: "Что это за дела?" И его охватил сильный гнев, и, взяв плеть, он собирался ударить ею Тадж-аль-Мулука, но Ситт Дунья бросилась к нему и сказала своему отцу: "Убей меня раньше его". И царь выбралил девушку и велел отвести ее в ее комнату, а потом он обратился к Тадж-аль-Мулуку и спросил его: "Горе тебе, откуда ты и кто твой отец и как ты дерзнул посягнуть на мою дочь?" – "Знай, о царь, – ответил Тадж-аль-Мулук, – если ты убьешь меня, то погибнешь, и раскается и ты и жители твоего царства". И царь спросил: "А почему это?" И юноша отвечал: "Знай, что я сын паря Сулейман-шаха, и ты не узнаешь, как он уже подойдет к тебе с конными и пешими". Услышав эти слова, царь Шахраман захотел отложить убийство юноши и посадил его в тюрьму, чтобы посмотреть, правильны ли его слова. Но везирь сказал ему: "О царь нашего времени, по-моему следует поспешить с убийством этого мерзавца, – он ведь осмелился посягнуть на царских дочерей".

И тогда царь крикнул палачу: "Отруби ему голову, он обманщик!" И палач взял Тадж-аль-Мулука, затянул на нем веревки и поднял руки, спрашивая разрешения эмиров, один и другой раз, так как он хотел, чтобы случилось промедление. И царь закричал на него: "До каких пор ты будешь спрашивать? Если ты еще раз спросишь, я отрублю тебе голову!" И палач поднял руку, так что стали видны волосы у него под мышкой, и хотел отсечь голову юноше..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать шестая ночь

Когда же настала сто тридцать шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что палач поднял руку, так что стали видны волосы у него под мышкой, и хотел отсечь голову юноше, но вдруг раздались громкие крики, и люди стали закрывать лавки. "Не спеши!" – сказал тогда царь палачу и послал выяснить, в чем дело. И посланный ушел и, вернувшись, сказал: "Я видел войска, подобные ревущему морю, где бьются волны, и конница скачет так, что трясется земля, и я не знаю, что это такое". И царь оторопел и испугался, что у него отнимут его царство, и, обратившись к своему везиру, спросил его: "Разве никто из наших воинов не выступил против этого войска?" – и не успел он закончить своих слов, как его царедворцы вошли к нему и с ними послы приближавшегося царя, среди которых был везирь. И везирь первый приветствовал царя, а тот поднялся перед прибывшими на ноги и приблизил их к себе и спросил, за каким делом они прибыли. И везирь поднялся и, подойдя к царю, сказал ему: "Знай, тот, кто вступил к твою землю, – царь, не похожий на предшествующих царей и на прежде бывших султанов". – "Кто же он?" – спросил царь, и везирь ответил: "Этот царь справедливый и прямодушный, о чьих высоких помышлениях распространяют весть путешественники, это – султан Сулейманшах, властитель Зеленой Земли и Двух Столбов и Гор Испаханских. Он любит справедливость и правое решение и не любит притеснения и несправедливости, и он говорит тебе, что его сын у тебя в твоём городе. А это последний вздох его сердца и плод его души, и если он окажется невредимым – это и нужно, а тебе да будет слава и благодарность. Если же он исчез из твоей страны или с ним что-нибудь случилось, – услышь весть о гибели и разрушении твоих земель, ибо твой город станет пустыней, где каркают вороны. Вот я сообщил тебе его послание, и конец".

Услышав от посланного эти слова, царь Шахраман почувствовал в душе тревогу и испугался за свою власть. Он кликнул вельмож своего царства, везирей, царедворцев и наместников и, когда они явились, сказал им: "Горе вам, идите и ищите этого молодца!"

А Тадж-аль-Мулук был в руках палача, и он обмер от великого страха, который ему пришлось испытать. И тут посланный огляделся и увидел сына своего царя на ковре крови и узнал его. И он поднялся и кинулся к царевичу, а за ним и другие посланцы, а потом они подошли, развязали его узы и стали целовать ему руки и ноги. И Тадж-аль-Мулук открыл глаза и, узнав везиря своего отца и своего друга Азиза, упал без чувств от сильной радости. А царь Шахраман не знал, что делать, и испытал жестокий страх, убедившись, что это войско пришло из-за юноши. И он встал и, подойдя к Тадж-аль-Мулуку, поцеловал его в голову, и глаза его прослезились. "О дитя мое, – сказал он, – извини меня и не взыщи со злодея на деяния его. Пожалей мои седины и не разрушай моего царства". И Тадж-аль-Мулук приблизился к нему, поцеловал ему руку и сказал: "С тобой не будет беды, ты мне вместо родителя, но берегись, чтобы не случилось что-нибудь с моей возлюбленной Ситт Дунья". – "О господин, – ответил царь, – не бойся за нее, ей будет только радость". И царь стал извиняться перед юношей и уговаривать его и везиря царя Сулейман-шаха, и он обещал везирию большие деньги, если он скроет от царя то, что видел.

Потом царь Шахраман приказал своим вельможам взять Тадж-аль-Мулука, отвести его в баню и одеть в платье из лучших своих одежд и поскорее привести его. И они сделали это и, отведя юношу в баню, одели его в то платье, которое назначил ему царь Шахраман, а затем его привели в залу, и, когда царевич вошел к царю Шахраману, тот встал перед ним сам и велел встать всем вельможам своего царства, служа ему.

И Тадж-аль-Мулук сел и принялся рассказывать везиру своего отца и Азизу о том, что случилось с ним, и везирь и Азиз сказали: "А мы за это время отправились к твоему родителю и рассказали ему, что ты вошел во дворец царской дочери и не вышел, и твое дело стало нам неясно. И, услышав об этом, он снарядил войска, и мы прибыли в эти земли, и наше прибытие принесло тебе крайнее облегчение, а нам радость". И царевич сказал им: "Добро всегда приходит через наши руки и в начале и в конце!"

Вот! А царь Шахраман вошел к своей дочери Ситт Дунья и увидел, что она завывает и плачет о Тадж-аль-Мулуке. И она взяла меч и воткнула его рукояткою в землю, а острие его приложила к верхушке сердца, между грудями, и, наклонившись, стояла над мечом и говорила: "Я обязательно убью себя и не буду жить после моего любимого!" И когда ее отец вошел к ней и увидел ее в таком состоянии, он закричал: "О госпожа царских дочерей, не делай этого и пожалей твоего отца и жителей твоего города!" И он подошел к ней и сказал: "Избавь тебя Аллах от того, чтобы из-за тебя случилось с твоим отцом дурное". И рассказал ей о всем происшедшем и о том, что ее возлюбленный, сын царя Сулейман-шаха хочет на ней жениться. "Дело сватовства и брака зависит от твоего желанья", – сказал он, и Ситт Дунья улыбнулась и ответила: "Не говорила ли я тебе, что он сын султана, и я непременно заставлю его распять тебя на доске ценою в два дирхема". – "О дочь моя, пожалей меня, пожалеет тебя Аллах", – сказал ей отец. И она воскликнула: "Живо, иди скорей и приведи мне его быстро, не откладывая!" – "На голове и на глазах!" – отвечал ей отец и быстро вернулся от нее и, придя к Тадж-аль-Мулуку, потихоньку передал ему эти слова. И они поднялись и пошли к ней, и, увидев Тадж-аль-Мулука, царевна обняла его в присутствии отца, и приникла к нему, и поцеловала его, говоря: "Ты заставил меня тосковать!" А потом она обратилась к отцу и спросила: "Видел ли ты, чтобы кто-нибудь перешел меру, восхваляя это прекрасное существо? А он к тому же царь, сын царя и принадлежит к людям благородным, охраняемым от гнусности". И тогда царь Шахраман вышел и своей рукой закрыл к ним дверь. Он пошел к везирию царя Сулейман-шаха и тем, кто был вместе с ним из послов, и велел им передать их царю, что его сын во благе и радости и живет сладостнейшею жизнью со своей возлюбленной, и послы отправились к царю, чтобы передать ему это. А после царь Шахраман велел вынуть подношения, угощение и припасы для войск царя Сулейман-шаха, и, когда все то, что он приказал, было выпито, царь вывел сотню коней, сотню верблюдов, сотню невольников, сотню наложниц, сотню черных рабов и сотню рабынь и пригнал все это в подарок царю. А сам он сел на коня с вельможами своего царства и приближенными, и они выехали за город, а когда султан Сулейман-шах узнал об этом, он поднялся и прошел несколько шагов ему навстречу. А везирь с Азизом сообщили ему, в чем дело, и царь Сулейман шах обрадовался и воскликнул: "Слава Аллаху, который привел мое дитя к желаемому!" А потом царь Сулейман шах взял царя Шахрамана в объятия и посадил его рядом с собою на престол, и они стали разговаривать между собою и пустились в беседу. После этого им подали еду, и они ели, пока не насытились, а затем принесли сладости, которыми они полакомились, и плоды свежие и сухие, и они поели этих плодов. И не прошло более часа, как Тадж-аль-Мулук пришел к ним в великолепных одеждах и украшениях, и его отец, увидя его, поднялся и обнял и поцеловал юношу, и поднялись все, кто сидел, и цари посадили юношу между собою и просидели часок за беседою. И царь Сулейман-шах сказал царю Шахраману: "Я хочу написать запись моего сына с твоею дочерью при свидетелях, чтобы весть об этом распространилась, как установлено обычаем. И царь Шахраман отвечал ему: "Слушаю и повинуюсь!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И тогда царь Шахраман послал за судьей и свидетелями, и они явились и написали запись о браке Тадж-альМулука и Ситт Дунья, и роздали бакшиш [190] и сахар и зажгли куренья и благовония. И был это день веселья и радости, и радовались этому все вельможи и воины, а царь Шахраман принялся обряжать свою дочь.

Тадж-аль-Мулук сказал своему отцу: "Этот юноша, Азиз, – благородный человек, и он сослужил мне великую службу, так как он трудился вместе со мной и сопровождал меня в путешествии. Он привел меня к моей цели и терпел вместе со мной испытания и меня уговаривал терпеть, пока мое желание не было исполнено. Он со мной уже два года, вдали от своей страны, и я хочу, чтобы мы приготовили ему здесь товары и он уехал бы с залеченным сердцем, ибо его страна близко". – "Прекрасно то, что ты решил!" – сказал ему отец. И тогда Азизу приготовили сотню тюков самых роскошных и дорогих материй, и Тадж-аль-Мулук оказал ему благоволение и пожаловал ему большие деньги.

И он простился с ним и сказал: "О брат и друг мой, возьми эти тюки и прими их от меня в подарок, как знак любви. Отправляйся в твою страну с миром!"

И Азиз принял от него материи и поцеловал землю перед ним и перед его отцом, и простился с ними. И Тадж-аль-Мулук сел на коня вместе с Азизом и провожал его три мили. А потом он распрощался с ним и заклинал его впоследствии вернуться, а Азиз сказал: "Клянусь Аллахом, о господин, если бы не моя мать, я бы не покинул тебя. Но не оставляй меня без вестей о себе!" – "Будь по-твоему, – сказал Тадж-аль-Мулук и потом воротился. А Азиз ехал до тех пор, пока не прибыл в свою страну, и, вступив в нее, он поехал дальше и прибыл к своей матери. И оказалось, что она устроила могилу посреди дома и посещала эту могилу, и когда Азиз вошел в дом, он увидел, что его мать расплела волосы и распустила их над гробницей, плача и говоря:

"Поистине, стоек я во всяких превратностях,

И только от бедствия разлуки страдаю я.

А кто может вытерпеть, коль друга с ним больше нет,

И кто не терзается разлукою скорою?"

И она испустила глубокий вздох и произнесла:

"Почему, пройдя меж могилами, я приветствовал

Гроб любимого, но ответа мне он не дал?"

И сказал любимый: "А как ответ мог я дать тебе,

Коль залогом я средь камней лежу во прахе?

Пожирает прах мои прелести, и забыл я вас

И сокрылся я от родных своих и милых".

И когда она так говорила, вдруг вошел Азиз и подошел к ней, и при виде его она упала без чувств от радости. И Азиз полил ей лицо водой, и она очнулась и взяла его в объятия, и прижала к груди, и Азиз тоже прижал ее к груди и приветствовал ее, а старушка приветствовала его и спросила, почему он отсутствовал.

И Азиз рассказал ей обо всем, что с ним случилось, с начала до конца, и поведал ей, что Тадж-аль-Мулук дал ему денег и сто тюков товаров и материй, и она обрадовалась этому. И Азиз остался с матерью в своем городе и плакал о том, что сделала с ним дочь ДалилыХитрицы, которая его оскопила.

Вот что выпало на долю Азиза. Что же касается Таджаль-Мулука, то он вошел к своей любимой Ситт Дунья и уничтожил ее девственность. А потом царь Шахраман стал снаряжать свою дочь для поездки с ее мужем, и принесли припасы и подарки и редкости и все это нагрузили и поехали. И царь Шахраман ехал вместе с ними три дня, чтобы проститься, но царь Сулейман шах заклинал ею вернуться, и он возвратился. И Тадж-аль-Мулук с отцом, женою и войском ехали непрерывно, ночью и днем, пока не приблизились к своему городу. И вести об их прибытии побежали, сменяя друг друга, и город для них украсили..."

И Шахразадy застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто тридцать седьмая

Когда же настала сто тридцать седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Сулейман-шах приблизился к своему городу, город украсили для него и его сына. А потом они вступили в город, и царь сел на престол своего царства, и его сын Тадж-аль-Мулук был рядом с ним. И он стал давать и одаривать и выпустил тех, кто был у него заточен. А потом его отец сделал вторую свадьбу, и песни и развлечения продолжались целый месяц, и прислужницы открывали Ситт Дунья, и ей не наскучило, что ее открывают, а им не наскучило смотреть на нее. А потом Тадж-аль-Мулук вошел к своей жене, свидевшись сначала с отцом и матерью. И они жили сладостнейшей и приятнейшей жизнью, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений".